

УДК 1:316

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И КАРТИНА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: КЛАССИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СВЯЗИ

Армер Е.В.

*ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет»,
Ульяновск, e-mail: e.armer@mail.ru*

В статье сравниваются классический и современный подходы к исследованию социальных коммуникаций. Основное отличие современного подхода видится в признании конструктивного отношения человека к миру и обществу. Статья написана с позиций неклассической исследовательской установки, чем обусловлено определение места социальных коммуникаций в обществе и использование понятия «картина социальной реальности». Под социальной коммуникацией понимается сложная конструкторско-конституитивная активность по созданию и восприятию смыслов, а понятие «картина» фиксирует особую позицию автора: во-первых, противопоставленность субъекта социальной реальности, во-вторых, его участие в конструировании этой реальности. В качестве методологии исследования выбраны такие направления, как социальный конструктивизм, социальная феноменология, синергетика, постмодернизм и символический интеракционизм. Также в ходе исследования выявлены основные идеи, объединяющие данные концепции, применительно к анализу социальных коммуникаций.

Ключевые слова: социальные коммуникации, картина социальной реальности, смысл, социальная реальность

SOCIAL COMMUNICATIONS AND A PICTURE OF SOCIAL REALITY: CLASSICAL AND MODERN APPROACHES TO INTERPRETATION THE CONNECTION

Armer E.V.

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, e-mail: e.armer@mail.ru

In the article classical and modern approaches to research of social communications are compared. The author sees the main difference of modern approach in recognition of the person's constructive relation to the world and society. The article is written from the position of nonclassical research installation, it defines the place of social communications in society and the use of the concept «picture of social reality». The author interpretes the social communications as a difficult design-constitutive consciousness's activity directed on creation and perception of the meanings. Thus the concept «picture» fixes a special author's position: first, opposition character of the subject of social reality, secondly, its participation in designing of this reality. As methodology of research such directions as social constructivism, social phenomenology, synergetics, postmodernism and symbolical interactionism are chosen. Also during research the author has exposed the main ideas that unite these concepts in relation to the analysis of social communications.

Keywords: social communications, picture of social reality, smeaning, social reality

Данная статья является попыткой представить авторское понимание социальных коммуникаций, которое базируется на современных подходах к раскрытию данного феномена. В качестве методологии исследования выбраны, прежде всего, такие концепции и школы, как социальный конструктивизм, социальная феноменология, синергетика, постмодернизм, символический интеракционизм. Несмотря на то, что каждое из данных направлений уникально и специфично, всех их объединяет ряд общих идей, которые эксплицируются в ходе исследования.

Социальная коммуникация выделилась в самостоятельный объект исследования только в XX веке. До этого она понималась как момент гносеологического отношения двух субъектов: один субъект выступал в качестве источника информации, а другой был ее пассивным приемником. Такой подход разворачивался в рамках дискурса Просвещения и не противоречил основным принципам Новоевропейской эпохи: вера

в безграничность человеческого разума, объективность мироустройства и его внеположенность по отношению к субъекту, поиск абсолютной истины, активное использование методологического принципа фундаментализма и т.д. Со временем понимание социальной коммуникации меняется, во-первых, осознается разнообразие ее видов, речь начинает идти о множестве коммуникативных отношений, во-вторых, коммуникация начинает рассматриваться уже не просто как средство односторонней передачи информации и воздействия на субъект, а как «способ осуществления связи и взаимодействия людей в социальной сфере через продуктивный, конструктивный диалог» [5]. Основное отличие от классического подхода в данном случае заключается в признании конструктивного отношения к миру и обществу и особой роли коммуникаций в этом процессе. На смену «неинтересованному наблюдателю», не нуждающемуся во взаимодействии с другими субъектами, приходит коммуникативный

субъект, который создает социальную реальность вместе с другими.

Эта же логика изменений в трактовках коммуникации и определения ее места в социуме прослеживается и на примере эволюции моделей социального общения. Так, считается, что первая коммуникационная модель была предложена Г. Лассуэлом в 1948 году. Как известно, это классическая линейная модель коммуникации, которая отвечает на пять вопросов: кто? (передает сообщение); что? (передается); как? (осуществляется передача); кому? (направлено сообщение) и с каким эффектом? (эффективность сообщения). Ответы соответственно следующие: коммуникатор, сообщение, по определенному каналу, реципиенту и с тем или иным результатом. Модель Лассуэла монологична: несмотря на то, что он предлагает учитывать эффект воздействия, его реципиент остается пассивным и не принимает активного участия в обмене информацией. Как отмечают исследователи, именно линейный характер является отличительной чертой первых моделей социальной коммуникации.

Модель Лассуэла получила дальнейшее развитие в разработках других исследователей. Так, например, Шеннон и Уивер предложили учитывать роль шумов в коммуникации и включили в модель в качестве основных элементов кодирующие и декодирующие устройства. Таким образом, было зафиксировано, что информация не воспринимается субъектом в точно таком же виде, в каком отправляется. И первоначально причины несовпадения были найдены именно в несовершенстве средств коммуникации. Несмотря на доработки, все линейные модели существенно упрощают понимание коммуникаций и не учитывают всей сложности коммуникационных процессов, что породило появление новых теорий. Например таких, как циркулярная модель У. Шрамма и Ч. Осгуда, которая отражает непрерывность коммуникации, двухступенчатая модель П. Лазарсфельда, предполагающая, что распространяемые сообщения не сразу воспринимаются реципиентом, а принимаются только после обсуждения с «лидерами мнений» (высокоавторитетными членами группы, мнения и советы которых по определенным вопросам имеют особую ценность для других) и т.д. Постепенно стали учитываться социокультурные характеристики самого субъекта, его изменчивость, включенность в социальные процессы. Так, если в рамках классической модели коммуникации представлялось возможным сравнить отправленную адресантом информацию с полученной адресатом

(при этом чем больше было совпадение, тем эффективнее считалась социальная коммуникация), то с позиций современного подхода к пониманию социальных явлений и социального общения провозглашается невозможность такого сравнения. Так, Ю.М. Лотман отмечает, что для достижения идентичности в восприятии сообщения «нужны условия, в естественной ситуации практически недостижимые: для этого требуется, чтобы адресант и адресат пользовались полностью идентичными кодами, т. е., фактически, чтобы они в семиотическом отношении представляли бы как бы удвоенную одну и ту же личность» [3;13]. Понятно, что достичь этого невозможно, так как необходимо не только единство языка, но и языкового опыта, объема памяти, норм, традиций и т.д.

На современном этапе исследования коммуникации «подчеркивается ее не просто интерактивный, но трансактивный (*transactional*) характер, заключающийся в том, что любой субъект коммуникации является отправителем и получателем сообщения не последовательно, а одновременно» [4]. Таким образом, человек постоянно принимает участие в коммуникационных взаимодействиях, при этом четко определить, где они начались, а где закончились представляется проблематичным. Более того, все общество предстает в качестве коммуникационной системы (Луман). Построение той или иной модели обусловлено тем, как автор трактует суть и механизмы коммуникации, что, в свою очередь, определено избранным подходом.

В неклассической исследовательской установке, с позиций которой написана эта статья, под социальной коммуникацией понимается сложная конструкторско-конститутивная активность по созданию и пониманию смыслов. Смысл не существует вне воспринимающего его сознания, он имеет место лишь там, где есть воспринимающий и конституирующий смыслы субъект. Вне субъекта нет смыслов, значит нет и социальной коммуникации. Под смыслом понимается такое образование, где знания и информация являют уникальную целостность, конституруемую субъектом коммуникации исходя из конкретного момента социального времени и занимаемого субъектом места в социальном пространстве. То есть с позиции «здесь и сейчас». Таким образом, смысл всегда субъективен и конститутивен, именно поэтому не может быть в чистом виде передан от одного субъекта к другому. Субъект в результате конструирования смысла, иначе социальной коммуникации, объективирует его в виде знаков,

символов, текстов, осознанных жестов, деля смысл открытым для восприятия и понимания другими субъектами. Это значит, что социальная коммуникация всегда имеет символическую природу. Смысл всегда создается «здесь и сейчас», конкретным субъектом, в конкретный период времени, отсюда – его связь с определенным социальным контекстом. Одному и тому же событию придается различный смысл в зависимости от ситуации, социального статуса, субъектов коммуникации, условий, субъективных переживаний и т.д.. Такая трактовка смысла возможна, если понимать его в качестве постоянно трансформирующегося, изменяющегося образования. Другими словами, смысл – это не неизменная, объективная истина, как он понимался с позиций классической рациональности, а, наоборот, текучее и динамичное образование, результат со-творчества одного (автокоммуникация) или нескольких субъектов (групповая, межличностная, массовая). Коммуникация начинает пониматься как диалог и даже как полилог, в ходе которого происходит смыслотворчество. Под смыслотворчеством следует понимать совместное создание смыслов субъектами общения. Особенно наглядно это можно проиллюстрировать на примере межличностной коммуникации или общения «лицом-к-лицу» (П. Бергер и Т. Лукман). Перед коммуникацией каждый ее участник продуцирует свои собственные смыслы, но тот смысл, который рождается в процессе коммуникационного взаимодействия, не будет им полностью соответствовать, это всегда новый смысл. Таким образом, смысл как бы ускользает, о чем, в частности, говорят постмодернисты, придавая однако этому свойству смысла радикальное значение. Так, например, Ж. Деррида рассматривает социальную реальность в виде текста, который интерпретируется по-разному, а значит в его множестве пластов создается такое же множество смыслов.

Важно отметить, что смыслотворчество непосредственно связано с процессом двойного конструирования. Понятие «двойное конструирование» отчасти заимствовано у П. Бурдьё. В данном случае мы говорим о его концепции двойного конструирования социальной реальности. Напомним, что его концепция описывает два взаимосвязанных процесса: с одной стороны, зависимость поступков и действий людей от объективных структур, которые существуют в любой социальной системе, с другой, – создание данных структур самими людьми в процессе практического освоения социальной действительности. Мы же

говорим о конструировании, так как нами рассматриваются не объективные структуры, существующие независимо от сознания, а представления субъектом социальной реальности, оформленные в виде той или иной картины социальной реальности. Социальная коммуникация при таком подходе есть процесс одновременного конструирования картины социальной реальности и самого субъекта коммуникации, то есть, создавая ту или иную картину вместе с другими, сам субъект изменяется. Другими словами, создатель оказывает влияние на продукт, продукт, в свою очередь, оказывает влияние на субъект, и это происходит одновременно. Трудно не согласиться с О.И. Матяш, что «коммуникация – процесс, в котором мы конструируем не только свою социальную реальность (или реальности), но и свое собственное «я»» [4]

Социальная коммуникация является необходимым элементом человеческой жизни. Большинство современных философов отмечают коммуникативную природу человеческого сознания, что подтверждается утверждениями такого рода: «я не могу существовать без постоянного общения и взаимодействия с другими людьми» [1;43]. Способность к общению, таким образом, воспринимается как врожденная, то есть изначально присущая особенность человека ввиду интенциональности его сознания. Нужен ли для коммуникации субъекту обязательно другой субъект? «Другой» всегда предполагается, даже когда речь идет об автокоммуникации, то есть внутриличностной коммуникации, только в данном случае субъект коммуницирует с вымышленным субъектом внутри собственного сознания. Таким образом, коммуникативность субъекта выражается также в его коллективности. Например, человек долгое время находящийся в пустыне, видит мираж, но думает, что видит оазис. Однако пообщавшись со своим другом, который разделяет с ним тяготы длительного пребывания без воды, он понимает, что оазис видит только он и тогда формируется новый смысл. Приходит осознание того, что это только фантазия, человек конструировал смыслы в рамках одного определенного ноззиса (в данном случае – это фантазия).

Коммуникация интерсубъективна, вместе с другими субъект конструирует реальность, которую сам вместе с другими переживает. Совокупность созданных смыслов формирует ту или иную картину, например, философскую, религиозную, научную. Но это не означает, что человек произвольно и безнаказанно может творить социальную реальность. Он может изменять лишь свое

восприятие этой реальности, при этом изменяется не столько картина, сколько мировоззрение. Так как картина – это коллективное образование, предполагающее взгляд субъекта со стороны, противопоставление себя и социальной реальности, а мировоззрение тесно связано с личностью, вплетено в человеческую жизнь и не может быть «вырвано» из нее. Мировоззрение имеет своим гносеологическим условием созерцание, то есть непроблематизированное восприятие мира, непосредственную данность предметностей мира в сознании, тогда как картина базируется на деятельности мышления, всегда осуществляющего процедуры целеполагания, представления, дихотомии, объективации и абстрагирования. Отсюда и возникает целенаправленный взгляд на социальную реальность, который превращает ее в объект анализа и исследования и получает воплощение в виде различных картин. Таким образом, понятие «картина» фиксирует особую позицию автора данной статьи: во-первых, противопоставленность субъекта социальной реальности, во-вторых, его участие в конструировании этой реальности.

Как уже отмечалось, картина социальной реальности есть продукт смыслотворчества множества социальных субъектов. В процессе коммуникации социальными агентами осуществляется поддержание социальной реальности, ее «проговаривание» [1], при этом каждый вносит свой вклад в конструирование того или иного видения общества. Другими словами, реальность, в которой мы живем, – это не просто наша реальность, наше видение общества, это видение, которое формируется в актах коммуникации с другими субъектами. Так, В. Лекторский отмечает, что без коммуникации с другими не было бы вообще познавательного процесса. При этом другой индивид, согласно его конструктивному реализму – это не просто конструкция его сознания, а в некотором смысле часть его самого, «без него я не был бы самим собою, не существовало бы моего Я, не было бы возможно и познание в его специфически человеческих формах» [2; 37].

Так, понимая социальная коммуникация, во-первых, выступает условием возможности существования социокультурно-обусловленного, изменяющегося субъекта, во-вторых, конструируемой и конституируемой им совместно с другими субъектами картины социальной реальности. Данный тезис знаменует отказ от классического понимания социальной реальности как объективной данности, не зависящей от человека, а также от понимания коммуникации как простого способа передачи данных.

В ходе исследования были выявлены основные современные тенденции в исследовании социальной коммуникации, еще раз тезисно очертим их: понимание коммуникации как условия создания, поддержания и конструирования социальной реальности; учитывание роли культуры и конкретного социального контекста; признание символической природы коммуникации, трактовка языка в качестве условия и средства ее осуществления; раскрытие коммуникации через понятие «смысл»; акцентирование внимания на диалогичных (двухсторонних) моделях социального общения.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 5–40.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
4. Матяш О.И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование [Электронный ресурс] // Российская коммуникативная ассоциация: сайт. – URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/m/matyash01.shtml (Дата обращения 05.09.2013).
5. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/ (Дата обращения 05.09.2013).

References

1. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge, 1995. 323 p.
2. Lektorskiy V.A. Realizm, antirealizm, konstruktivizm i konstruktivnyy realizm v sovremennoy epistemologii i nauke // Konstruktivistskiy podhod v epistemologii i naukah o cheloveke/ Otv. red. V.A. Lektorskiy. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2009. pp. 5–40.
3. Lotman YU.M. Vnutri myslyaschikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. – M.: «Yazyki russkoy kultury», 1996. 464 p.
4. Matyash O.I. Chto takoe kommunikatsiya i nuzhno li nam kommunikativnoe obrazovanie // Rossiyskaya kommunikativnaya assotsiatsiya: sayt. Available at: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/m/matyash01.shtml (Accessed 5 September 2013).
5. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki. M.: «Kanon+», ROOI «Reabilitaciya», 2009. Available at: http://epistemology_of_science.academic.ru/ (Accessed 5 September 2013).

Рецензенты:

Тихонов А.А., д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии, ФГБОУ ВПО «Ульяновский педагогический университет им. И.Н. Ульянова», г. Ульяновск;

Баранец Н.Г., д.филос.н., профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет», г. Ульяновск.

Работа поступила в редакцию 08.10.2013.

УДК 130.3

«СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ» ТИПАЖИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА И.С. ТУРГЕНЕВА, Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И А.И. КУПРИНА)

Беляев Д.А.

*ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет»,
Липецк, e-mail: dm.a.belyaev@gmail.com*

Идея сверхчеловека неотъемлемо присутствует в пространстве русской культуры, отражая в антропологическом модусе значимые социокультурные и ценностные пределы. С конца XIX в. она становится объектом философской и художественной рефлексии в широком интеллектуальном дискурсе отечественной культуры, что формирует особую актуальность «сверхчеловеческой» тематики. В данной статье проводится аналитическое культурфилософское исследование присутствия идеи сверхчеловека в художественном творчестве И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского и А.И. Куприна. В ходе раскрытия темы, во-первых, реконструируется и анализируется модель видения нового/лучшего человека, которую выстраивают авторы в своих произведениях; во-вторых, рассматривается состояние социокультурного нигилизма как характерный атрибут «сверхчеловеческих» типажей; в-третьих, выводятся общие характерные особенности художественной репрезентации идеи сверхчеловека в отечественной литературе XIX – начала XX века. Отдельно проводятся сравнительные параллели между ницшеанской моделью сверхчеловека и проектом «лучшего человека» Назанского из повести Куприна «Дуэль».

Ключевые слова: сверхчеловек, Тургенев, Чернышевский, Куприн, Ницше, Базаров, Рахметов, Назанский, нигилизм, «новый человек», «переоценка ценностей»

THE «OVERMAN» TYPES IN THE NATIONAL LITERATURE OF XIX – EARLY XX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF I.S. TURGENEV, N.G. CHERNYSHEVSKY, A.I. KUPRIN)

Belyaev D.A.

Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, e-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

The idea of the overman is present as an integral part of the space of Russian culture, reflecting in the anthropological modus significant socio-cultural and value limits. Since the end of the XIX century it had become an object of philosophical and artistic reflection in the wider intellectual discourse of national culture, which forms a special urgency of «overman» theme. In this article, the analytical cultural-philosophical research of the presence of the idea of overman in literary work of I.S. Turgenev, N.G. Chernyshevsky and A.I. Kuprin. In the course of opening of the theme, first of all, the model of vision of the new/ best man is reconstructed and analyzed, which is lined by the authors in their works. Secondly, the state of socio-cultural nihilism is examined as a characteristic attribute of «overman» types. Thirdly, the common characteristics properties of artistic representation of the idea of the overman are derived in the national literature of XIX – early XX century. Separately comparative parallels are drawn between the Nietzschean overman model and Nazansky's project of «the best man» from Kuprin's story «Duel».

Keywords: overman, Turgenev, Chernyshevsky, Kuprin, Nietzsche, Bazarov, Rakhmetov, Nazansky, nihilism, the «new man», «revaluation of values»

Концепт «сверхчеловек» оказывается предельно актуальным и востребованным в рамках дискурса отечественной культуры XIX – начала XX века. Популяризация и распространение в России с конца XIX в. философии Ф. Ницше, где идея сверхчеловека является одной из центральных, дает новый импульс развитию множественных модальностей экспликации данного концепта. В частности, феномен сверхчеловека становится предметом философского рассмотрения Н.Ф. Федоровым, В.С. Соловьевым, Вяч. Ивановым, Н.А. Бердяевым [2; 10]. Одновременно пространство русской литературы оказывается благодатной средой зарождения и формирования множества «сверхчеловеческих» типажей как части художественного нарратива [1; 3; 4; 5]. Современный отечественный писатель Д.Л. Быков справедливо отмечает, что «вся

русская литература нанизана на проблему сверхчеловека. Это то, что придет за человеком следом, новый эволюционный этап» [6]. Между тем данный тематический пласт русской литературы до настоящего времени остается недостаточно изученным, хотя, что существенно, эти условно «сверхчеловеческие» типажии героев задают новую систему ценностных координат и формируют перспективно-альтернативную социокультурную модель, выходящую за пределы собственно художественной реальности, актуализируясь в пространстве социальной действительности России конца XIX – начала XX века.

Наша работа основана на методе компаративного культурфилософского и литературоведческого анализа. Ее целью является, во-первых, рассмотрение вариантов художественной экспликации идеи